

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

Дело «Тургунов против России»

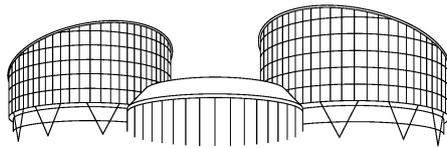
(Жалоба № 15590/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

22 октября 2015 года

Данное судебное решение становится окончательным при обстоятельствах, указанных в статье 44 Конвенции. Оно может подлежать редакционному пересмотру.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

В деле «Тургунов против России»,

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседающая Палатой в составе:

Гоподина Андраса Саджо (*András Sajó*), *Председателя Палаты*,
Госпожи Марьяны Лазаровой Трайковской (*Mirjana Lazarova Trajkovska*),

Госпожи Юлии Лаффранк (*Julia Laffranque*),

Гоподина Пауло Пинто де Альбукерка (*Paulo Pinto de Albuquerque*),

Гоподина Лино-Александра Сицильяноса (*Linos-Alexandre Sicilianos*),

Гоподина Эрика Мёзе (*Erik Møse*),

Гоподина Дитрия Дедова, *судей*,

и Гоподина Сёрена Нильсена (*Søren Nielsen*), *Секретаря Секции*,

Проведя заседание за закрытыми дверями 29 сентября 2015 года,

В этот же день вынес следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 15590/14) против Российской Федерации, поданной в Суд 20 февраля 2014 года гражданином Киргизии, Ботиром Турдиваевичем Тургуновым (далее - заявитель), в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция).

2. Заявитель был представлен госпожой О. Цейтлиной и господином Ю. Серовым, юристами, практикующими в Санкт-Петербурге. Правительство Российской Федерации было представлено господином Г. Матюшкиным, Уполномоченным РФ при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что его экстрадиция в Кыргызскую Республику подвергнет его риску жестокого обращения и что у него не было возможности воспользоваться эффективными мерами правовой защиты в отношении этой жалобы.

4. 24 февраля 2014 года Суд применил временную меру в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда и указал властям Российской Федерации, что заявитель не должен подлежать экстрадиции, изгнанию или другому виду принудительного

перемещения из территории России в Кыргызскую Республику или прочую страну на период всего судопроизводства. Суд также потребовал от властей Российской Федерации разработать соответствующий механизм, призванный выполнять превентивную и защитную функцию, который бы помог заявителю заручиться непосредственной эффективной защитой от незаконного или неправомерного перемещения из территории России и выведения из-под юрисдикции российских судов (в частности после его освобождения из под стражи).

5. 17 апреля 2014 года жалобу довели до сведения властей Российской Федерации.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1979 году в городе Ош, Киргизия, и проживает в Санкт-Петербурге.

A. Уголовное дело в отношении заявителя, инициированное в Киргизии, и его арест и содержание под стражей в России

7. Заявитель является этническим узбеком. В июне 2010 года в городе Ош, где проживал заявитель в соответствующее время, вспыхнуло этническое насилие, во время которого было убито около 400 человек.

8. 15 июля 2010 года заявитель приехал в Россию, после чего не возвращался в Кыргызскую Республику.

9. 9 апреля 2012 года полиция города Ош заочно (*in absentia*) предъявила заявителю обвинение в участии в массовых беспорядках и нескольких других правонарушениях.

10. 10 апреля 2012 года Ошский городской суд выдал ордер на арест заявителя, а 20 апреля 2012 года его имя появилось в международном перечне лиц, разыскиваемых полицией.

11. 23 января 2013 года заявитель был арестован в Санкт-Петербурге и заключен под стражу двумя днями позже в соответствии с распоряжением суда. Его содержание под стражей несколько раз подлежало продлению.

12. 7 марта 2014 года транспортный прокурор города Санкт-Петербург уведомил о временной мере, выбранной Судом, и дал распоряжение об освобождении заявителя из-под стражи под личную гарантию его адвоката.

В. Процедура выдачи

13. 11 февраля 2013 года Генеральная прокуратура Киргизии затребовала экстрадицию заявителя с целью его привлечения к уголовной ответственности за участие в массовых беспорядках в июне 2010 года, умышленное причинение тяжких телесных повреждений и применение насилия в отношении полицейского, угон автомобиля с пассажирами и умышленное уничтожение имущества.

14. 24 мая 2013 года адвокат заявителя послал Генеральному прокурору России письмо, ссылаясь на доклады международных организаций и предыдущие постановления данного Суда, свидетельствующие, что существует высокий риск того, что в случае экстрадиции заявитель будет подвергаться бесчеловечному обращению.

15. 24 июля 2013 года заместитель Генерального прокурора Российской Федерации удовлетворил просьбу Генеральной прокуратуры Киргизии об экстрадиции заявителя. Он заявил, что придерживается мнения, что российское или международное право не содержит никаких оснований для отказа в экстрадиции заявителя.

16. Заявитель опротестовал такие действия апелляцией, придерживаясь того мнения, что будучи членом этнической узбекской общины, которая стала предметом преследований и дискриминации, он подвергается серьезному и реальному риску пыток во время содержания под стражей.

17. 06 ноября 2013 года Санкт-Петербургский городской суд отклонил эту апелляцию, придя к выводу о следующем:

“Принимая во внимание предоставленные материалы дела, в соответствии со статьей 464 Уголовно-процессуального кодекса России нет никаких оснований, которые бы исключали возможность экстрадиции лица ...

Доводы заявителя о том, что экстрадиция является незаконной, поскольку заявитель ожидает решения по оформлению статуса беженца, и аргументы касательно его возможного уголовного преследования правоохранительными органами Киргизии из-за его этнического происхождения являются безосновательными и не могут послужить основанием для отказа в экстрадиции. Информация [Министерства иностранных дел России], в соответствии с которой рассмотрение уголовного дела в отношении [заявителя] властями Киргизии может быть предвзятым, является гипотетичной и не основана на каких-либо доказательствах...

Генеральный прокурор Киргизии предоставил гарантии того, что, в соответствии с нормами международного права и уголовного права Киргизии, [заявителю] будут предоставлены все средства правовой защиты, включая юридическую помощь; он не будет выдан третьей стране без одобрения Генерального прокурора России, а также обвинен и признан виновным в любом правонарушении, совершенном до экстрадиции за которое его не экстрадировали. Он не будет подвергаться пыткам или жестокому, нечеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию ...

Более того, запрашивающая сторона заверила, что после экстрадиции [заявителя] в Кыргызскую Республику, российские дипломаты смогут посещать [заявителя] в следственных изоляторах чтобы убедиться в соблюдении его прав ...

Доводы, предоставленные ответчиком, в соответствии с которыми преследования этнических узбеков, связанные с событиями 2010 года, продолжаются в Киргизии, относятся к отдельным случаям и не могут рассматриваться как доказательство того, что [заявитель] будет подвергаться жестокому обращению, принимая во внимание тот факт, что его обвиняют в правонарушении, которое по своей природе не рассматривается как политическое преступление; в настоящее время властями Кыргызской Республики внедрены соответствующие меры устранения нарушений прав человека, обнаруживаемых международными организациями ... более того, запрашивающая сторона предоставила достаточные и существенные гарантии того, что право [заявителя] на справедливое судебное разбирательство будет уважаться и что он не будет подвергнут жестокому обращению. Общая обстановка в Кыргызской Республике подлежала тщательному анализу с точки зрения отказа [заявителю] в предоставлении статуса беженца Управлением Федеральной миграционной службы по Санкт-Петербургу.”

18. Адвокаты заявителя обжаловали это решение, приведя аргументы в пользу того, что суд первой инстанции проигнорировал их аргументы касательно риска, что заявитель будет подвергаться бесчеловечному обращению в случае экстрадиции.

19. Своим окончательным решением от 25 февраля 2014 года Верховный Суд Российской Федерации, поддержал мотивировочную часть судебного решения суда низшей инстанции, отклонив апелляцию.

С. Процедура получения статуса беженца

20. 06 февраля 2013 года заявитель обратился в Управление Федеральной миграционной службы по Санкт-Петербургу с просьбой предоставить ему статус беженца. Он отметил, что он боялся возвращаться в Кыргызскую Республику, где он мог быть подвергнут произвольному преследованию и бесчеловечному обращению.

21. 29 мая 2013 года Управление Федеральной миграционной службы по Санкт-Петербургу отказало в удовлетворении вышеуказанной просьбы в связи с отсутствием оснований, выступающих в поддержку жалобы заявителя. В частности, оно обнаружило, что последний ссылаясь на события 2010 года, как на предлог избежать привлечения к уголовной ответственности. Управление Федеральной миграционной службы дополнительно проанализировало ситуацию в Киргизии, основываясь на нескольких информационных сообщениях информационных агентств и, главным образом, газет Кыргызстана и России. Ссылаясь на эти сообщения, Управление заявило, что “... ситуация в Киргизии значительным

образом изменилась, межэтнические столкновения прекратились, а Правительство Российской Федерации принимало активные меры для защиты граждан и улучшения социально-экономической ситуации в стране”.

22. 23 августа 2013 года Федеральная миграционная служба Российской Федерации признала указанное постановление законным. Заявитель обратился с жалобой в Басманный районный суд города Москвы.

23. 03 декабря 2013 года Басманный районный суд города Москвы отклонил жалобу. Он поддержал выводы миграционных органов и отметил, что заявитель не был членом политических, религиозных, военных или неправительственных организаций. Также он не преследовался и не подвергался запугиванию со стороны властей. Таким образом, не было ни угрозы жизни заявителя, ни признаков, указывающих на показания срочного медицинского вмешательства.

24. 20 мая 2014 года Московский городской суд оставил в силе решение по апелляции от 03 декабря 2013 года.

D. Процедура предоставления временного убежища

25. 20 сентября 2013 года заявитель обратился в Управление Федеральной миграционной службы по Санкт-Петербургу с просьбой предоставить ему временное убежище в Российской Федерации.

26. 26 ноября 2013 года ему было отказано в удовлетворении просьбы. В соответствии с информацией, предоставленной заявителем, его об этом проинформировано не было.

27. 05 мая 2014 года заявитель подал новую заявку на предоставление временного убежища, в исполнении которой 01 августа 2014 года был получен отказ.

28. 01 октября 2014 года адвокат заявителя инициировал обжалование решения от 01 августа 2014 года. Однако, результат рассмотрения апелляции остается неизвестным.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

29. Для ознакомления с кратким изложением применимого национального законодательства и практики см. дело *«Абдулхаков против России»* (№ 14743/11, §§ 71-78, 83-93, и 95-98, 2 октября 2012 года).

III. ПРИМЕНИМЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ КАСАТЕЛЬНО КИРГИЗИИ

30. Для получения более подробной информации касательно международных документов см. дело *«Абдулхаков против России»* (приводимое выше, §§ 79-82 и 94).

31. Для получения более подробной информации по ряду соответствующих отчетов и отдельным сведениям касательно Киргизии, см. дело *«Хамракулов против России»* (№ 68894/13, §§ 38-45, 16 апреля 2015 года, с последующими ссылками).

32. Раздел по Киргизии доклада за 2015 год, опубликованного неправительственной организацией, осуществляющей мониторинг, расследование и документирование нарушений прав человека *«Хьюман райтс вотч»* (*«На страже прав человека»*) гласит, в части, относящейся к рассматриваемому вопросу, следующее:

“После межэтнического насилия в июне 2010 г. несовершенство судопроизводства в Кыргызстане оборачивается длительными тюремными приговорами, преимущественно для этнических узбеков, выносимыми на фоне заявлений о применении пыток с целью принуждения к признанию и других процессуальных нарушений. Еще семь дел о преступлениях, совершенных во время июньских событий, находится в производстве; один из фигурантов был задержан в июле 2014 г. Все обвиняемые принадлежат к этническим узбекам, что в очередной раз вызывает вопросы относительно непредвзятости судопроизводства.

В 2014 г. продолжались безнаказанные физические и словесные посягательства в зале суда, подрывавшие право подсудимых на справедливое судебное разбирательство. После январского заседания по делу этнического узбека Махамада Бизурукова, обвиняемого в преступлениях в связи с межэтническим насилием 2010 г., посольство США в отдельном заявлении выразило глубокую озабоченность. ...

Правительство Российской Федерации не отрицает того, что пытки являются проблемой в Кыргызстане, однако их безнаказанность остается нормой. Уголовные дела по заявлениям о недозволенном обращении или пытках возбуждаются редко, а следствие и суд затягиваются или проводятся неэффективно.

Комитет ООН по правам ребенка в своих июньских заключительных замечаниях выразил обеспокоенность «широким распространением пыток и жестокого обращения с детьми» в местах содержания под стражей и в закрытых учреждениях и призвал обеспечить оперативное и эффективное независимое расследование по таким фактам.

Из статистических данных, предоставленных Генеральной прокуратурой местной группе по борьбе с пытками «Голос свободы», в первой половине 2014 г. власти отказали в возбуждении уголовного дела по 100 из 109 зарегистрированных заявлений о пытках.

Наблюдатели Национального центра по предупреждению пыток иногда сталкивались с проблемами доступа в места задержания. После одного из таких инцидентов в марте центром была подана жалоба на действия начальника ИВС

Иссык-Кульской области отказавшего наблюдателям в доступе. На момент подготовки данного обзора начальник ИВС к ответственности не привлекался.”

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

33. Заявитель пожаловался, что в случае экстрадиции в Кыргызскую Республику он будет подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, поскольку он принадлежит к этническому узбекскому меньшинству. Он ссылается на статью 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.”

A. Приемлемость

1. Возражения сторон

34. Правительство Российской Федерации сформулировало свою позицию в суде о том, что заявитель не воспользовался всеми доступными эффективными внутригосударственными средствами правовой защиты в контексте его жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции. В частности, власти РФ утверждали, что заявитель не воспользовался возможностью обжаловать отказ в предоставлении ему временного убежища от 26 ноября 2013 года. Если бы заявителю было предоставлено временное убежище, настоящая экстрадиция была бы временно приостановлена или даже отменена. Правительство Российской Федерации также утверждало, что заявитель не воспользовался правом подачи кассационного обжалования постановления Верховного Суда от 25 февраля 2014 года, оставляющего в силе решение об экстрадиции в соответствии с Главой 48.1 Российского уголовно-процессуального кодекса (“УПК”).

35. Заявитель утверждал, что он исчерпал все эффективные внутригосударственные средства правовой защиты. Помимо оспаривания решения об экстрадиции, он подал заявку на получение статуса беженца, даже не смотря на то, что на практике такие заявки не препятствуют вынесению решения об экстрадиции. Заявитель также утверждал, что заявление о предоставлении временного убежища не является эффективным средством правовой защиты в связи с его дискреционным и временным характером.

2. Оценка Суда

36. Что касается аргументов правительства Российской Федерации о том, что заявителю следовало бы подать кассационные жалобы в соответствии с Разделом 48.1 УПК, Суд считает, что, как было постановлено ранее, такие жалобы не имеют “автоматического приостанавливающего действия”, и, таким образом, не существовало никаких обязательств использовать это средство правовой защиты (см. дело «*Гайратбек Салиев против России*», № 39093/13, §§ 49 и 58, 17 апреля 2014 года). Что касается вопроса временного убежища, Суд повторяет, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты требует от заявителя обратиться к внутренним средствам правовой защиты, которые являются доступными в рамках национальной правовой системы и достаточными для компенсации допущенных нарушений. Даже если бы это ходатайство было удовлетворено, средства правовой защиты имели бы временный характер и не послужили бы судебным возмещением в рамках жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд отвергает возражение властей Российской Федерации.

37. Суд также постановил, что жалоба не является очевидно необоснованной в значении статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по иным причинам. Таким образом, жалобу заявителя следует считать приемлемой.

В. Существо дела

1. Возражения сторон

38. Правительство Российской Федерации оспаривает жалобы заявителя. Власти РФ утверждали, что общая ситуация с соблюдением прав человека в Киргизии улучшилась по сравнению с событиями июня 2010 года. Правительство Российской Федерации ссылалось на доклад Независимой международной комиссии по расследованию событий в Южной Киргизии от июня 2010 года.

39. Как указали власти Российской Федерации, Киргизия расширила сотрудничество с ООН и другими международными организациями, а также ратифицировала все основополагающие международные Конвенции по правам человека. Кыргызская Республика также реформировала свое законодательство, включая Конституцию, для обеспечения уважения прав человека и защиты от дискриминации. Киргизия отменила смертную казнь и запретила пытки и жестокое обращение, закрепив это решение в Конституции и Уголовном кодексе.

40. По мнению Правительства Российской Федерации, даже если некоторые международные доклады по-прежнему вызывают беспокойство относительно ситуации с соблюдением прав человека в Киргизии, в соответствии с предыдущими постановлениями данного Суда ссылка на общую проблему в области соблюдения прав человека в пределах отдельной страны не может служить единственным основанием для отказа в экстрадиции.

41. Правительство Российской Федерации также отмечает, что Генеральная прокуратура Кыргызской Республики предоставила заявителю надлежащие гарантии недопущения риска жестокого обращения. Власти Российской Федерации также сослались на дополнительные гарантии, разработанные российскими и кыргызскими властями, которые позволят российскому дипломатическому персоналу посещать заведение содержания заявителя под стражей, с тем, чтобы убедиться, что его права соблюдаются. Правительство Российской Федерации в этой связи ссылается на письмо от 30 июля 2013 года, отправленное кыргызскими властями Министерству иностранных дел России.

42. По мнению Правительства Российской Федерации, не было никаких причин сомневаться в заверениях, предоставленных Генеральной прокуратурой Кыргызской Республики, так как она действовала в пределах своей компетенции, а отношения между двумя странами были основаны на долгосрочном и стабильном сотрудничестве.

43. Правительство Российской Федерации отметило, что в ходе их сотрудничества по вопросам выдачи случаев нарушения гарантий, предоставленных Киргизией, зарегистрировано не было. Власти РФ сослались на информацию, полученную от Кыргызской Республики, касательно результатов привлечения к уголовной ответственности выданных лиц. Правительство Российской Федерации привело примеры трех лиц, этнических узбеков, которые различными способами добились отсрочки исполнения приговора, были условно-досрочно освобождены, и уголовное дело против которых было прекращено.

44. Правительство Российской Федерации указало, что заявитель не предоставил существенных доказательств того, что он будет подвергаться риску жестокого обращения в случае экстрадиции в Кыргызскую Республику. Они утверждали, что внутригосударственные органы власти и суды тщательно рассмотрели его жалобы касательно риска жестокого обращения в Киргизии в ходе рассмотрения заявки на предоставление статуса беженца и утверждения процедуры выдачи. Заявитель имел возможность присутствовать на рассмотрении дела в суде и представить свою позицию, а также использовал свое право обжалования постановлений.

45. Заявитель придерживался того мнения, что он все еще подвергался серьезному и реальному риску жестокого обращения в Киргизии. Он указал, что общая ситуация с соблюдением прав человека в Киргизии не улучшилась с момента рассмотрения дела *Махмуджана Эргашева* (см. дело «*Махмуджан Эргашев против России*» (*Makhmudzhan Ergashev v. Russia*), № 49747/11, 16 октября 2012 года), ссылаясь на доклады, составленные агентствами ООН и признанными международными НПО, а также на предыдущие постановления данного Суда.

46. По мнению заявителя, дипломатические гарантии, на которые полагалось Правительство Российской Федерации, не могут быть достаточными для того, чтобы защитить его от рисков жестокого обращения ввиду критериев, принятых в ходе дела «*Отман (Абу Катада) против Соединенного Королевства*» (*Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom*) (№ 8139/09, § 189, ЕСПЧ 2012 (выдержка)). Не существовало доказательство того, что российский дипломатический персонал на самом деле посещал лиц, экстрадированных в Кыргызскую Республику. Более того, не было организовано процедур мониторинга со стороны независимого органа, а российский дипломатический персонал не мог рассматриваться, как независимая сторона, способная обеспечить эффективный контроль соблюдения Киргизией данных обещаний. Заявитель утверждал, что пример действий Правительства Российской Федерации в деле трех этнических узбеков, которые после экстрадиции в Кыргызскую Республику были освобождены из-под стражи, не был показательным, поскольку ни одно из этих лиц не было обвинено в совершении преступлений, связанных с событиями июня 2010 года. Он также утверждал, что Правительство не представило копию письма от 30 июля 2013 года, касательно гарантий, предоставленных Министерству иностранных дел России, на которые оно ссылалось в своих доводах.

47. Заявитель отметил, что власти Российской Федерации не смогли надлежащим образом оценить риски жестокого обращения, возникающие в процессе экстрадиции и процедуры получения статуса беженца. В рамках внутригосударственных судебных процессов он полагался на отчеты агентств ООН и признанных международных НПО, которые продемонстрировали, что в Киргизии этнические узбеки, которые, как и он, подозревались в причастности к насилию июня 2010 года в городе Ош, подвергались жестокому обращению при задержании, а также, что отсутствие расследования случаев пыток или бесчеловечного обращения в запрашивающей стране было распространенной практикой. Заявитель указал, что миграционные власти и внутригосударственные суды либо расследовали отчеты о подобных случаях исключительно формально, либо вообще не предпринимали по их поводу никаких действий.

2. Оценка Суда

48. Суд будет рассматривать существо этой части жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 исходя из применимых общих принципов, изложенных, среди прочего, в деле «Умиров против России» (*Umirov v. Russia*) (№ 17455/11, §§ 92-100, 18 сентября 2012 года, с последующими ссылками).

49. Суд отмечает, что власти Российской Федерации дали распоряжение об экстрадиции заявителя в Кыргызскую Республику. Решение об экстрадиции не было приведено в исполнение в результате обозначения Судом временной меры в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда. Таким образом, Суд оценит, подвергается ли заявитель риску обращения, которое противоречит Статье 3 в случае реальной экстрадиции в Кыргызскую Республику – точная дата оценки такого риска совпадает с рассмотрением Судом настоящего дела – принимая во внимание оценку, данную внутригосударственными судами (см. дело «Бакоев против России» (*Bakoyev v. Russia*), № 30225/11, § 113, 5 февраля 2013 года с учётом внесения необходимых изменений в толкование (*mutatis mutandis*)).

50. Что касается общей атмосферы в области прав человека в запрашивающей стране, Суд дает следующие комментарии по существу дела. В ряде предварительных случаев экстрадиции в Кыргызскую Республику он обнаружил, что ситуация на юге страны характеризовалась присутствием пыток и прочих фактов ненадлежащего обращения с этническими узбеками со стороны представителей правоохранительных органов (см. дело «Хамракулов против России», приводимое выше, § 65; «Мамадалиев против России» (*Mamadaliyev v. Russia*), № 5614/13, § 60, 24 июля 2014 года; «Кадиржанов и Мамашев против России» (*Kadirzhanov and Mamashev v. Russia*), №. 42351/13 и 47823/13, § 91, 17 июля 2014 года; «Гайратбек Салиев против России» (*Gayratbek Saliyev v. Russia*), приводимое выше, § 61; и дело «Махмуджан Эргашев против России» (*Makhmudzhan Ergashev v. Russia*), приводимое выше, §§ 71-73). Такие случаи участились как следствие событий июня 2010 года и остаются сильно распространенными, обостряясь безнаказанностью сотрудников правоохранительных органов. Более того, Суд установил, что вопрос следует рассматривать в контексте усиления явлений этнического национализма в политическом курсе Киргизии, в частности на юге страны, где имеют место усиливающиеся межэтнические трения между киргизами и узбеками, постоянная дискриминация узбеков на институциональном уровне и недопредставленность узбеков, помимо прочего, в правоохранительных органах и судебной системе (см. дело «Махмуджан Эргашев против России» (*Makhmudzhan Ergashev v. Russia*), приводимое выше, § 72). Как четко видно из докладов

агентств ООН и признанных НПО, в 2012-14 году ситуация в южной части Киргизии не улучшилась. В частности, различные доклады содержат солидарное мнение при описании предвзятого отношения по этническому принципу при расследованиях, привлечению к уголовной ответственности, принудительном отчуждении и наложении санкций на этнических узбеков, при обвинении и осуждении в связи с событиями в городе Ош. Также существует всеобщее понимание нехватки полного и эффективного расследования многочисленных жалоб касательно пыток и жестокого обращения, вменяемых кыргызским правоохранительным органам, произвольного содержания под стражей и чрезмерного использования силы против узбеков, которые, по предположениям, причастны к событиям июня 2010 года (см. дело «*Хамракулов против России*» (*Khamrakulov v. Russia*), приводимое выше, §§ 40-45). Следовательно, Суд заключает, что текущая общая ситуация с правами человека в Киргизии остается крайне проблематичной (см. дело «*Клейн против России*» [*Klein v. Russia*], № 24268/08, § 51, 01 апреля 2010 года, с учётом внесения необходимых изменений в толкование (*mutatis mutandis*)).

51. Суд теперь рассмотрит, существуют ли какие-либо индивидуальные обстоятельства, подкрепляющие опасения заявителя касательно жестокого обращения (см. дело «*Маматкулов и Аскарров против Турции*» (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*) [GC], № 46827/99 и 46951/99, § 73, ЕСПЧ 2005-I). В этой связи он напоминает, что если заявитель утверждает, что он/она является членом группы, которая систематически подвергается практике жестокого обращения, должна применяться Статья 3, если заявитель сможет установить, если это необходимо, основываясь на информации, содержащейся в недавних докладах независимых международных органов по защите прав человека или НПО, что существует серьезное основание верить в наличие указанных практик и его/ее членство в указанных группах. При таких обстоятельствах, Суд не будет требовать от заявителя предоставить доказательства существования прочих особых отличающих обстоятельств (см. дело «*Саади против Италии*» (*Saadi v. Italy*) [GC], № 37201/06, § 132, ЕСПЧ 2008, и дело «*Н.А. против Соединенного королевства*» (*NA. v. the United Kingdom*), № 25904/07, § 116, 17 июля 2008 года). Суд считает, что эта мотивировочная часть имеет в данном деле особое значение, поскольку заявитель, этнический узбек, обвинен в ряде серьезных правонарушений, предположительно совершенных в ходе событий, имевших место в июне 2010 года (для сравнения см. дело «*Махмуджан Эргашев против России*» (*Makhmudzhan Ergashev v. Russia*), приводимое выше, § 73). Принимая во внимание распространенность использования кыргызскими властями пыток и жестокое обращение для получения признательных показаний от этнических узбеков, обвиняемых в

участии в межэтнических беспорядках в Южной Киргизии, о которых сообщается в докладах агентств ООН и признанных НПО (см. параграфы 31 и 32 выше по тексту), Суд убежден, что заявитель принадлежит к особо уязвимой группе, члены которой в запрашивающей стране периодически подвергаются обращению, о котором идет речь в Статье 3 Конвенции.

52. Суд также считает, что вышеуказанные обстоятельства были доведены до сведения властей Российской Федерации (см. параграфы 14, 16, 18 и 20 выше по тексту). Заявка заявителя на получение статуса беженца была отклонена как неприемлемая для рассмотрения по существу миграционными властями, которые постановили – и их вывод был впоследствии поддержан внутригосударственными судами – что заявитель не был пригоден для получения статуса беженца, поскольку не существовало доказательство того, что он подвергался преследованию на почве его этнического происхождения. Миграционные власти заявили, ссылаясь на ряд источников, освещающих эту тему (см. параграф 21 выше по тексту), что ситуация в Киргизии, как следствие событий июня 2010 года, значительно изменилась. Однако, Суд считает, что источники, на которые полагалось миграционные власти – преимущественно информационные сообщения, публикуемые газетами и информационными агентствами – должны рассматриваться с большей осмотрительностью, нежели доклады международных организаций и признанных НПО, специализирующихся на проблемах в области прав человека. Проанализированная информация не оказалась исчерпывающей, поскольку она не принимала во внимание аргументы заявителя касательно риска жестокого обращения со стороны правоохранительных органов Киргизии.

53. Что касается процедуры выдачи, Суд отмечает краткое изложение мотивировочной части, представленное внутригосударственными судами касательно материалов, полученных из источников, которые рассматриваются Судами, как надежные, таких как доклады международных организаций и признанных НПО (см. параграфы 17 и 19 выше по тексту). Что касается ситуации в Киргизии, как Санкт-Петербургский городской суд, так и Верховный Суд России, согласились с решением миграционных органов от 29 мая 2013 года, в рамках которого вопрос риска жестокого обращения был полностью упущен из виду.

54. Взирая на такие обстоятельства, Суд не может быть убежден, что вопрос риска жестокого обращения был рассмотрен надлежащим образом при рассмотрении возможности предоставления статуса беженца или процедуры выдачи (см. дело *«Абдулхаков против России»* (*Abdulkhakov v. Russia*), приводимое выше, § 148).

55. Также необходимо рассмотреть, способны ли дипломатические гарантии, предоставленные кыргызскими властями Российской Федерации, смягчить риски, которым будет подвергаться заявитель в случае экстрадиции. В соответствии с предоставленными гарантиями, заявитель не будет подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, а Российскому дипломатическому персоналу будет предоставлена возможность посещать его во время содержания под стражей (см. параграф 17 выше по тексту).

56. Даже чисто теоретически принимая доводы о том, что рассматриваемые заверения не были сформулированы не вдаваясь в подробности, Суд считает, что Киргизия не является страной-участницей Конвенции, в то время, как власти страны не продемонстрировали наличия эффективной системы правовой защиты против пыток, которая могла бы применяться, в качестве эквивалента системы, которая должна присутствовать в странах-участницах. Более того, Суду не было продемонстрировано, что обязательство Киргизии гарантировать доступ российского дипломатического персонала к заявителю на практике приведет к эффективной защите от незаконного жестокого обращения, поскольку не было доказано, что вышеуказанный персонал будет обладать надлежащим опытом, необходимым для эффективного контроля выполнения Киргизией взятых на себя обязательств. Также не было предоставлено никакой гарантии, что им будет предоставлена возможность общаться с заявителем без свидетелей. Более того, их потенциальное привлечение не поддерживается ни одним из практических механизмов, внедряющих, к примеру, процедуру, при помощи которой заявитель имеет возможность предъявить им претензию или быть уверенным, что персоналу будет предоставлено беспрепятственный доступ к месту принудительного содержания (см. дело *«Низомхона Джурсаева против России»* (*Nizomkhon Dzhurayev v. Russia*), № 31890/11, §§ 132-33, 03 октября 2013 года с учётом внесения необходимых изменений в толкование (*mutatis mutandis*)). Нет доказательств того, что Российский дипломатический персонал посещал каких-либо заключенных в Киргизии после их экстрадиции. Таким образом, предоставленные заверения не могут рассматриваться как иллюстрация существования механизма мониторинга в запрашивающей стране (для сравнения см. дело *«Отман (Абу Катата) против Соединенного Королевства»* (*Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom*), приводимое выше, §§ 203-04).

57. В связи с изложенным, Суд не может принять заверения Правительства Российской Федерации о том, что заверения, озвученные кыргызскими властями, были достаточными для исключения риска жестокого обращения в запрашивающей стране.

58. Принимая во внимание подтвержденное распространенное использование в установленном порядке пыток и прочих форм жестокого обращения со стороны правоохранительных органов на юге Киргизии по отношению к членам узбекской общины, к которой принадлежит заявитель, и отсутствие достаточных мер по обеспечению безопасности заявителя в запрашивающей стране, Суд считает предположение, что заявитель будет подвергаться реальному риску обращения, которое противоречит Статье 3, в случае реальной экстрадиции в Кыргызскую Республику мотивированным.

59. Следовательно, Суд приходит к выводу, что экстрадиция заявителя в Кыргызскую Республику, если решение будет исполнено, приведет к нарушению Статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

60. Заявитель также жаловался на то, что ему было отказано в эффективном средстве правовой защиты в связи с его жалобой; тем самым государством была нарушена статья 13 Конвенции, которая гласит:

“Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.”

61. Суд считает, что суть жалобы заявителя в соответствии со статьей 13, которая, по его мнению, применима в этом случае, состоит в том, что внутригосударственные органы власти скрупулёзно и внимательно не изучили риск жестокого обращения с заявителем в случае его реальной экстрадиции в Кыргызскую Республику. Суд уже рассмотрел это утверждение в контексте Статьи 3 Конвенции. Принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства дела, Суд считает, что нужды рассматривать настоящую жалобу отдельно по существу нет (для рассмотрения подобных подходов см. дело *«Мухитдинов против России» (Mukhitdinov v. Russia)*, № 20999/14, § 79, 21 мая 2015 года).

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

62. Статья 41 Конвенции гласит:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.”

А. Ущерб

63. Заявитель попросил Суд определить сумму.

64. Правительство Российской Федерации заявило, что решение о нарушении уже представляет собой справедливую компенсацию.

65. Суд считает, что его решение о том, что экстрадиция заявителя, если ее будет осуществлено, будет нарушением Статьи 3 Конвенции, уже является достаточной справедливой компенсацией.

В. Расходы и издержки

66. Заявитель также потребовал возмещения расходов и издержек, понесенных при обращении во внутригосударственные суды и настоящий Суд, в размере 140,000 рублей (RUB) и 600 евро (EUR). Он прилагает несколько договоров об оказании юридических услуг, сторонами которых являются его представители в рамках внутригосударственных и страсбургских судебных разбирательств, с одной стороны, и неправительственными организациями «Институт прав человека» (Москва) и «Мемориал» (Брюссель), с другой стороны.

67. Правительство Российской Федерации отметило, что заявитель не предоставил акт учёта стояночного времени и что его расходы на ведение судебных дел были взяты на себя третьими сторонами.

68. В соответствии с предыдущими постановлениями данного Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той мере, насколько будет продемонстрировано, что речь идет об обоснованных и необходимых затратах. Из документов заявителя становится известным, что судебные издержки в рамках внутригосударственных и страсбургских судебных разбирательств оплачивались за счет двух неправительственных организаций. Не было продемонстрировано, что сам заявитель понес какие-либо затраты или же обязан компенсировать суммы, потраченные неправительственными организациями. Таким образом, Суд отказывает в удовлетворении иска о компенсации расходов (см. дело «*Воскейл против*» *Нидерландов (Voskuil v. the Netherlands)*, № 64752/01, § 92, 22 ноября 2007 года, и дело «*Даджен против Соединенного Королевства*» (*Dudgeon v. the United Kingdom*) (Статья 50), 24 февраля 1983 года, § 22 *в конце*, серия А № 59).

IV. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

69. В соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, настоящее постановление становится окончательным, если а) стороны не заявляют, что они будут просить о передаче дела в Большую Палату; или б) по истечении трех месяцев с даты вынесения постановления не поступило обращения о передаче дела в Большую Палату; или с) Коллегия Большой Палаты отклоняет обращение о передаче дела согласно статье 43 Конвенции.

70. Суд считает, что указание, данное им Правительству Российской Федерации в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда (см. пункт 4 выше) не высылать заявителя, должно оставаться в силе до тех пор, пока настоящее решение не станет окончательным или до того времени, когда Суд примет еще одно решение в связи с этим.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Признает* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что экстрадиция заявителя в Кыргызскую Республику будет приравниваться к нарушению Статьи 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать жалобу в соответствии со статьей 13 Конвенции;
4. *Постановляет*, что его заключение, вынесенное в соответствии со статьей 3 Конвенции, представляет собой достаточное справедливое возмещение ущерба в рамках иска о возмещении нематериального вреда;
5. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителя относительно компенсации.
6. *Постановляет* в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда что указание, данное им Правительству Российской Федерации не выдавать заявителя, должно оставаться в силе до тех пор, пока настоящее решение не станет окончательным или до того времени, когда Суд примет еще одно решение в связи с этим.

Составлено на английском языке и доведено до всеобщего сведения в письменном виде 22 октября 2015 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда

Сёрен Нильсен (*Søren Nielsen*)
Секретарь

Андрас Саджо (*András Sajó*)
Председатель Палаты